

А.А. Сизова

Степан Головлев

Головлев Степан Владимирович — персонаж романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», старший сын Арины Петровны и Владимира Михалыча Головлевых. В семье имел два прозвища: Степка-балбес и Степка-озорник. «Он очень рано попал в число «постылых» и с детских лет играл в доме роль не то парии, не то шута. К несчастью, это был даровитый мальчик, слишком охотно и быстро воспринимавший впечатления, которые вырабатывала окружающая среда».

Отец выделял его из всех детей. Степан был его любимцем, «что еще больше усилило нелюбовь к нему матери...». «Часто, во время отлучек Арины Петровны по хозяйству, отец и подросток-сын удалялись в кабинет, украшенный портретом Баркова, читали стихи вольного содержания и судачили, причем в особенности доставалось “ведьме”, то есть Арине Петровне. Но “ведьма” словно чутьем угадывала их занятия: неслышно подъезжала она к крыльцу, подходила на цыпочках к кабинетной двери и подслушивала веселые речи. Затем следовало немедленное и жестокое избиение Степки-балбеса».

Талантливый, живой от природы Степан особенно остро ощущал деспотическую власть матери: угрозы, оскорбления следовали одно за другим. «Убить тебя надо! — постоянно твердила ему Арина Петровна. — Убью — и не отвечу! И царь меня не накажет за это!»

Переняв у отца «неистошимую проказливость», он по-своему пытался противодействовать жестокому домашнему угнетению: «...был нечувствителен ни к побоям, ни к увещаниям и через полчаса опять принимался куролесить. То косынку у девки Анютки изрежет в куски, то сонной Васютке мух в рот напустит, то заберется на кухню и стянет там пирог».

Так прошло безрадостное, полуголодное детство Степана, лишенное каких бы то ни было духовных интересов. «Оно имело в результате не озлобление, не протест, а образовало характер рабский, покладливый до буффонства, не знающий чувства меры и лишенный всякой предусмотрительности».

Двадцати лет Степан поступил в университет, перед этим успешно закончил курс одной из московских гимназий. Несмотря на скупость, Арина Петровна не жалела средств на образование детей, хотя и «давала ему денег ровно столько, сколько требовалось, чтоб не пропасть с голода». Выросший в среде, где царило лицемерное пустословие и паразитизм, где вождельной мечтой каждого был даровой жирный кусок, Степан не имел ни твердой нравственной опоры, ни «малейшего позыва к труду». «Поэтому он остановился на легкой роли приживальщика... и скоро сделался фаворитом богатеньких студентов... к концу четвертого курса вышутился окончательно». «Тем не менее, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, он выдержал экзамен с успехом и получил степень кандидата».

Началась самостоятельная жизнь. Четыре года провел Степан в департаментских канцеляриях Петербурга, но «протекций у него не было, охоты пробить дорогу личным трудом — никакой... Праздная мысль молодого человека до того отвыкла сосредоточиваться, что даже бюрократические испытания, вроде докладных записок и экстрактов из дел, оказывались для нее непосильными...» По грозному требованию Арины Петровны он переехал в Москву и был определен в надворный суд под надзор подьячего, который занимался головлевскими делами. Тут он кое-как продержался три года.

Совершенная неспособность к жизни, постоянное желание «кутнуть», пожить «в свое удовольствие» быстро привели к катастрофе. Через несколько лет Степан

промотал и «родительское благословение», «выброшенный» матерью «кусок» («Кусок этот состоял из дома в Москве, за который Арина Петровна заплатила двенадцать тысяч рублей»).

Чтоб как-то существовать, «он был рад-радехонек поступить в качестве заместителя в ополчение, которое в это время формировалось. Ополчение, впрочем, дошло только до Харькова, как был заключен мир, и Головлев опять вернулся в Москву». Степан опустил окончательно, постоянно жил в хмельном угаре, сделался попрошайкой, ходил по зажиточным крестьянам матери в Москве, «...наконец наступила минута, когда он... очутился лицом к лицу с глухой стеной».

Степану не было к этому времени еще и сорока лет, однако «жизнь до такой степени потрепала его, что не оставила на нем никакого признака дворянского сына, ни малейшего следа того, что и он был когда-то в университете и что и к нему тоже было обращено воспитательное слово науки». Это был «чрезмерно длинный, нечесаный, почти невымытый малый, худой от недостатка питания, с впалой грудью, с длинными, заgreбистыми руками. Лицо у него распухшее, волосы на голове и бороде растрепанные, с сильной проседью, голос громкий, но си́плый, простуженный, глаза навывкате и воспаленные, частью от непомерного употребления водки, частью от постоянного нахождения на ветру. На нем ветхая и совершенно затасканная серая ополченка, галуны с которой содраны и проданы на выжигу; на ногах — стоптанные, порыжелые и заплатанные сапоги навывпуск; из-за распахнутой ополченки виднеется рубаха, почти черная, словно вымазанная сажей, рубашка, которую он с истинно ополченским цинизмом сам называет “блошницею”. Смотрит он исподлобья, угрюмо, но эта угрюмость не выражает внутреннего недовольства, а есть следствие какого-то смутного беспокойства, что вот-вот еще минута, и он, как червяк, подохнет с голоду».

Годы для Степана прошли бессмысленно и бесследно, у него нет прошлого, нет ни семьи, ни близких людей, нет даже места, которое он мог бы назвать домом. И нет будущего — «оставался один путь — в Головлево».

В минуты горького прозрения «вся его жизнь, исполненная кривлянья, бездельничества, буффонства, вдруг словно осветилась перед его умственным оком. Он идет теперь в Головлево, он знает, что ожидает там его, — и все-таки идет, и не может не идти. Нет у него другой дороги».

Способный, талантливый от природы, он рано понял и оценил семейную обстановку в Головлеве, именно он прозвал среднего брата Иудушкой, кровопивушкой, проницательно угадал трагическую судьбу матери, которую кровопивушка «со временем порешит», а «капитал и именье из нее высосет». «Он припоминает свою старую головлевскую жизнь, и ему кажется, что перед ним растворяются двери сырого подвала, что, как только он перешагнет за порог этих дверей, так они сейчас захлопнутся — и тогда все кончено».

Степан подводит трагический итог жизни: «Самый последний из дюдей может что-нибудь для себя сделать, может добыть себе хлеба — он один ничего не может».

И он действительно ничего уже не смог изменить. «Признаки нравственного отрезвления, появившиеся было в те часы, покуда он приближался проселком в Головлево, вновь куда-то исчезли. Легкомыслие опять вступило в свои права».

Степан примирился с «маменькиным положением», проводил дни в «пустоутробной» болтовне и добывании еды, потому что «с утра до вечера он голодал и только об том и думал, как бы наестся».

С нетерпением ждал он приезда братьев, но совсем не связывал их приезд со своей дальнейшей судьбой, лишь мечтал, что добрый Павел привезет ему табаку.

Его судьбу решил Иудушка, отговорив Арину Петровну «выбросить» Степану еще «кусок» — вологодскую деревеньку, часть папенькиного наследства — и заставив

Степана подписать все отказные бумаги. Даже Арина Петровна внутренне содрогнулась: «Неужто он в самом деле такой кровопивец, что брата родного на улицу выгонит?»

Но Степану было уже все безразлично. «Впереди у него был только один ресурс, которого он покуда еще боялся, но который с неудержимой силой тянул его к себе. Этот ресурс — напиться и позабыть. Позабыть глубоко, безвозвратно, окунуться в волну забвения до того, чтоб и выкарабкаться из нее было нельзя».

Запой сопровождался угнетающей тоской, отвращением к миру, к окружающим людям. Все было кончено: «...черное облако окутало его с головы до ног, и он всматривался в него, в него одного, следил за его воображаемыми колебаниями и по временам вздрагивал и словно оборонялся от него. В этом загадочном облаке потонул для него весь физический и умственный мир».

В головлевском доме состоялось еще одно из «умертвий».